

ГШЕРБОРЕЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ
СТИХОВЪ
И
КРИТИКИ

IV

Я Н В А Р Ъ

1913

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

Василій Гипсіусъ. Волшебница	3
Критика	27

ВОЛШЕБНИЦА.

Поэма.

I.

Быль замокъ сумрачный и непріютный,
Затерянный въ безлюдѣ вѣковомъ,
Въ звѣриномъ крикѣ, свистѣ дождевомъ
И въ искрахъ молніи ежеминутной,
И стыло солнце надъ неплодной нивой,
Струя огонь холодный и лѣвивый.

Въ немъ было все причастно темныхъ таинъ.
Уныло утренняя бирюза
Сіяла окнамъ въ тусклые глаза,
Когда глядѣлся въ нихъ сѣдой хозяинъ.
Бѣлѣли волосы и борода,
И на лицѣ безумные года

Суровыя повѣствованья выжгли.
Какая юность бушевала въ немъ!
Какой любви бездонный водоемъ,
Пока не встало сонное затишье!
Его жена жила въ томъ замкѣ тоже,
Но было пусто брачное ихъ ложе.

Незримая ни старику, ни слугамъ,
Она, какъ зыбкая скользила тѣнь,
Стонала, мучимая цѣлый день
Невѣдомымъ и тягостнымъ недугомъ,
А въ полночь льнула къ черному окну,
Пронизывая злую тишину,

И билась въ трепетѣ и визгѣ грубомъ.
А онъ въ завѣтную стремился дверь,
По шаткой лѣстницѣ входилъ наверхъ
И жадно приникалъ къ волшебнымъ трубамъ,
Теряя всѣ обиды и мученья
Въ безсмертномъ морѣ звѣзднаго свѣченья.

И нѣжилась и ликовала въ звѣздахъ
Тончайшая и дѣвственная плоть.
Блаженный садъ выращивалъ Господь,
Благоуханьемъ наполняя воздухъ.
О, чей чередъ родиться и зайти?...
Онъ зналъ имъ счетъ и мѣрилъ ихъ пути.

Съ давно зачахшимъ сердцемъ и поблеклымъ
Онъ Рай небесный и земной любилъ,
За травами, за камнями слѣдилъ,
Ввѣрялъ ихъ пристальнымъ и зоркимъ стекламъ
И, расчленивая тоненькія ткани,
Ловилъ законъ измѣнчивыхъ мельканій.

О, вѣчнымъ медомъ полонъ Божій пчельникъ!
Обѣщанный источникъ не изсякъ!
Но кто онъ міру? близкій или врагъ—
Таинственный и пасмурный отшельникъ?
Чѣмъ самъ истерзанъ? Чѣмъ больна жена?
... Какъ души, повѣсть жуткая темна.

Небесныя поля зарозовѣли,
Разсвѣтныи лучи и въ холодѣ хмеленъ.
Отшельникъ у серебряныхъ иконъ
Еще дремалъ на старческой постели,
Но кто-то въ окна золото забросилъ
И разбудилъ далекимъ плескомъ веселья.

Душа пуста, и лѣтній блескъ недологъ.
Все радуется больного старика:
Кора деревьевъ, заросль тростника,
Безпутный червь и каменный осколокъ.
Какъ много жизней острый взоръ настигъ
Зеленыхъ, голубыхъ и золотыхъ!

И, расплываясь въ дивномъ водометѣ,
Ты бьешься въ ладъ съ пыланьемъ мировымъ.
Пока языкъ вселенной уловимъ,
Отрава смерти не коснется плоти,
И если ты съ любовью камень поднялъ,—
Тебѣ раскрыта библия Господня.

Томительные, длительные стоны...
Все брошено, и онъ спѣшитъ на стонъ.
Кто кинуть рокомъ, боленъ иль плѣненъ
Въ безлюдѣ лѣса, въ заросли зеленой?
Не сталью врагъ соперника сразилъ—
Зарыта въ землю женщина безъ силъ.

И мучится, зарытая по горло,
И дико стонетъ пересохшій ротъ,
Стенанье человѣка не найдетъ,
Надъ ней лѣсная глушь шатеръ простерла.
Но вотъ спаситель! прерванъ рокъ зловѣщій.
Спасенная въ его рукахъ трепещетъ.

Дивится онъ: ея дѣвичья кожа
Коричневая, словно изъ земли.
Лѣсные стебли тѣло оплели,
И съ женскими ея глаза не схожи.
Не можетъ губъ застывшихъ разомкнуть,
Но дышитъ пламенно нагая грудь.

И вотъ ослабли руки, слиплись вѣки,
Безъ силъ она склонилась на траву.
«Такъ живы призраки и наяву,
И стонъ земли о мужѣ-человѣкѣ
Не дымный сонъ и не безцѣльный окрикъ?..»
Такъ думаетъ и на дикарку смотреть.

Младенецъ-сонъ! ты всё врачуешь муки,
Душа заждалась твоего крыла!
...Проснулась. Вздрогнула. И приняла
Спасителя въ протянутыя руки,
Прильнувъ къ губамъ, о ласкѣ умоля.
Постелью свадебной была земля.

Блаженъ, кто въ были горестной и грубой
Нашель завѣщанный ему цвѣтокъ,
Кто въ первой ласкѣ первыя зажегъ
Невинныя дѣвическія губы,
И въ юной дрожи душевными ночами
Къ подругѣ льнетъ голодными губами.

Но страшенъ тотъ, кто въ юности мелькнувшей
На жертвенникѣ сладостномъ истлѣлъ,
Для нѣжной радости заledenѣлъ,
И въ плоти старческой огонь заснувшій—
Нерадостный огонь почувалъ вдругъ,
Нерадостную дрожь усталыхъ рукъ.

Какъ вѣтви, маленькія руки льнули,
Какъ къ меду, прилипали жала губъ.
Цвѣты сіяли, вѣялъ темный дубъ,
Но въ дикомъ упоеніи и гулѣ
Лишь стоны слышались, и безсловесны
Казались губы дѣвушки безвѣстной.

За нимъ! За нимъ! Иной дороги нѣтъ ей.
Молчать попрежнему ея уста.
Ея коричневая нагота
Едва закрыта зеленью безцвѣтной.
Льнетъ подблудемъ къ старческой рукѣ,
Не зная, что въ смущенномъ старикѣ,

Какой восторгъ зажегся въ дряхлой плоти,
Зажегся—и зажженный не затихъ!
Ведеть къ себѣ, какъ милую—женихъ,
И въ строгомъ домѣ, въ медленной работѣ
Все съ нимъ она, и вмѣстѣ въ этотъ вечеръ
Имъ въ небѣ вспыхнули святые свѣчи.

Цвѣты ночей, раскрывшіеся въ небѣ,
Благословите близкія сердца!
Струите благовонья безъ конца,
Вы, озаряющіе каждый стебель,
Вы, сияющіе въ глуши безвѣстныхъ странъ,
Предвѣстія несозданныхъ сѣмянъ!

Таинственные залы были въ замкѣ.
Отъ нихъ ключи хозяинъ лишь берегъ.
Но вотъ забытый зазвенѣлъ замокъ,
Открыта дверь ему и чужестранкѣ,
Луна блеститъ на зыби стѣнъ зеркальныхъ,
И льется музыка псалмовъ вѣчныхъ.

Ее баюкають луна и пѣсни,
Она склонилась, спить—безъ сповѣ, безъ слезъ.
На ложе бережно ее принесъ
Старикъ—и вышелъ на ступени лѣстницъ
Безсонно ждать, гадая до утра,
Что значишь ты, небесная игра!

Онъ не одинъ. Не спить въ ночи волшебной
Жена его на тѣхъ же ступеняхъ
Съ безвольнымъ бѣшенствомъ на злыхъ губахъ
Съ улыбкой безнадежной и враждебной,
Безъ смысла стонеть, жметъ и ломить руки,
Притягивая къ ложу новой муки.

Нѣтъ, ты не сгнилъ въ окаменѣвшей почвѣ,
Святой ростокъ безумнаго зерна!...
Израченная, вспрянула жена
Въ крови, въ крови, какъ послѣ первой ночи!
Но та безслѣднѣй—срѣзанная нить,—
Лишь о послѣдней—знають—не забыть.

Два существа въ одной великой силѣ,
Двѣ женщины хранили темный-кладъ.
Два сердца пламенные бились въ ладъ,
Два лона плодъ завѣщанный носили
Въ одной надеждѣ и въ одномъ испугѣ
Носили—и не знали другъ о другѣ.

Плыла по комнатамъ, какъ гость загробный,
Попрежнему безумная жена,
И слушала, какъ зыбкій шопоть сна,
Биење нѣжное души утробной,
А дѣвочка на голосъ жаркихъ чувствъ
Попрежнему не раскрывала усть.

Но старецъ съ этой полночи все чаще
Отъ звѣздъ и травъ, отъ вѣрнаго стекла
Сталъ уходить туда, гдѣ зеркала,
Гдѣ стѣны тонкія и звонъ манящій,
И даже плачь дикарки былъ не властенъ
Прервать его въ часы завѣтной страсти.

Ц.

Двухъ страждущихъ въ одно и то же время
Раздался рѣзкій и неженскій крикъ.
Двѣ женщины въ одинъ и тотъ же мигъ
Страхнули въ міръ томительное бремя.
Два тѣла, два сознанья, двѣ мечты
Расторгли сны утробной глухоты.

Но сынъ не льнетъ къ ея впервые полнымъ
Насыщеннымъ, коричневымъ сосцамъ,
И мужъ заждется отклика устамъ:
Ее убилъ велѣніемъ безмолвнымъ
Господь любви и трепетной природы,
Безтрепетно связавшій смерть и роды.

Такъ вотъ твой рокъ! вотъ мѣра днямъ невнят-
нымъ!

Стонать въ землѣ и грезить о плодахъ,
Зачать въ огнѣ и умереть въ родахъ!
Такъ вотъ разгадка этимъ темнымъ пятнамъ
На маленькой, младенческой груди!
Отмѣченный! иди же въ міръ, иди!

Отецъ въ ту ночь блуждалъ въ зеркальной залѣ
И вслушивался въ пѣніе стекла,
Когда ему—„дикарка умерла!“—
Устами равнодушными сказали.
И вмигъ, ужаленный горячимъ жаломъ,
Онъ съ крикомъ ринулся бѣжать по заламъ.

Ты все-таки дохнулъ, Губитель строгій,
И стебель нѣжности въ огнѣ изсохъ!...
Какъ ждалъ онъ, что развяжетъ губы вздохъ,
Какъ цѣловалъ младенческія ноги,
Какъ жадными руками трогалъ трупъ!
— Но горекъ ледъ неговорящихъ губъ.

Воскреснуть ли таинственные губы
Качнется ли земная колыбель?
Или безсмертна черная постель?
Вотъ вызовъ мой: отвѣйте правду, трубы!
Но въ эту ночь особенные знаки
Сплелись и расплелись въ лучахъ и мракѣ.

Звѣзда къ звѣздѣ въ водѣ небесъ безбрежной
Рвалась и плѣла съ дикой быстротой,
Какъ юноша за томной красотой
Настойчивый, восторженный и нѣжный, —
И вотъ слились—и бьются, какъ въ рукахъ,
И бьется все въ стремительныхъ лучахъ.

Какъ будто Рай и нѣдра преисподней
Все вертится и крутится и жжетъ,
И вяжется въ веселый хороводъ,
И звѣзды брызжутъ изъ руки Господней,
И ты, земля, плясунья въ пестрой пляскѣ,
Какъ дѣвственница, просишь пьяной ласки!

Но пляски звѣздъ безбрежной и безликой
Онъ обезсиленный не разгадалъ,
Но вскрикнулъ, зашатался и упалъ,
И въ корчахъ бѣшенныхъ и въ плѣнѣ дикой
Скатился внизъ, до страсти раскаленъ:
Былъ поднять, былъ закованъ, былъ плѣненъ.

И онъ не зналъ, что ночь ея кончины—
Лазоревая, роковая ночь—
Ему за сыномъ подарила дочь,
Что мать, склоненная съ такой зѣбиной
Любовью къ маленькому изголовью,
Ее питаетъ молокомъ и кровью.

И кровавое пятнышко алѣетъ
На хрупкомъ тѣлѣ, рѣветъ кровь въ глазахъ
И вспыхиваетъ въ рыжихъ волосахъ.
Какъ нѣжно сумасшедшая лелѣетъ
Малютку-дочь, безъ помысла о томъ,
Кто цѣпью скрученъ въ погребѣ сыромъ.

Прошли года—давно имъ люльки тѣсны.
Воспитанный наставничьей рукой
Рѣзвится отрокъ надъ сквозной рѣвкой,
Какъ лѣтній день, небрежный и прелестный,
Какъ звѣрь, играетъ съ дикими звѣрями,
И, какъ пчела, питается цвѣтами.

Онъ съ птицами перекликался птицей,
Нырля въ зеленѣющій овесъ.
Онъ, какъ отецъ, любилъ миганье звѣздъ
И желтыхъ лунъ задумчивыя лица,
Ихъ чертежи блестящіе читалъ,
Но, не гадая, только зналъ—и ждалъ.

О матери короткіе рассказы
Его смущали. „Изъ глуши лѣсной,
Всегда нѣмая, умерла весной,
Чтобъ въ міръ родился ты, голубоглазый,
Съ коричневымъ пятномъ,—дита печали“...
— А мой отецъ?... Но объ отцѣ молчали.

И онъ поклялся, вѣчнымъ сномъ тревожимъ,
Найти отца—онъ не навѣкъ далекъ!—
Онъ грудью на сырую землю легъ,
Земля ему была съ той ночи ложемъ.
Въ нее, какъ змѣй, вгрызаясь глубоко,
Онъ ѣлъ, онъ пилъ ее, какъ молоко.

Съ тѣхъ поръ не розовая ширь заката
И не планетъ далекіе лучи—
Его манили горные ключи,
Камней и глины розсыпи и скаты,
И Богъ земли, создавшій плоть изъ глины,
Въ него дохнулъ тревогою пчелиной.

И если, въ тучахъ громовыхъ кочуя,
Землей играла громкая игра,
Онъ, падая, кричалъ: моя сестра!
Жена моя! какъ слаще назову я
Тебя, чьи груди мнѣ обнажены
И ласками моими сожжены.

... А дѣвочка? Какой судьбѣ немилый
Мать осудила хилое дитя?
Настои травъ варя и кипятя,
Съ безумными глазами ворожила,
Ей неостывшей кровью тѣло терла
И соки горькіе вливала въ горло.

И въ комнатѣ съ желѣзною рѣшеткой
Малютка научилась вѣдовству,
Распознавала камень и траву
Цѣлительную—и, гордясь находкой,
Бѣжала къ матери и, ластясь къ ней,
Вдругъ схватывала жестче и больнѣй.

Въ ней шевелилась жуткая услада
При видѣ крови. Если изъ когтей
Не могъ спастись младенецъ-соловей,
Еще вчера свистѣвшій въ вѣткахъ сада,—
Съ огнемъ въ зрачкахъ она глядѣла жадно
И хохотала сладко и нещадно.

Кто не узнаетъ дѣвушку-колдунью?
Но какъ она перемѣнялась вся,
Лампадки глазъ то тѣпя, то гася,
Когда мѣнялся мѣсяцъ въ новолунье,
Какъ взвизгивала, мѣня отъ тоски!
Багряная струя, теки, теки!..

Сестра и братъ не видѣли другъ друга.
Она межъ ядовъ, чиселъ и зеркалъ,
А онъ въ ущельяхъ и на скатахъ скалъ,
Или въ разгулѣ блещущаго луга.
И мать горѣла местию бесполезной,
И дочь ея хранилъ замокъ желѣзный.

Зачѣмъ отъ юноши на злой охотѣ
Отъ роковой стрѣлы въ лѣсную тѣнь
Бѣжить безпутный, вспугнутый олень,
И вотъ—исчезъ въ рѣчномъ водоворотѣ?
Нѣтъ, не измѣнитъ острая стрѣла!
Багряная струя текла, текла!..

Едва оленя онъ настигнуть хочетъ,
Какъ дѣвушка нагая передъ нимъ,
Какъ птица, пляшетъ по камнямъ рѣчнымъ,
Глядитъ на кровь, залиvisto хохочетъ,
Вся въ золотѣ волосъ и въ яркой пѣнѣ,
И лижетъ влага нѣжныя колѣни.

Пусть юноша прошелъ съ добычей мимо,
Глаза растерянные опустивъ,—
Всю ночь его томилъ ся призывъ,
Душилъ его, и онъ не спалъ палимый...
И было много взглядовъ огневыхъ—
И вотъ онъ— гостемъ въ комнатѣ у нихъ.

— Ты брату шепчешь? ты ласкаешь брата?
Но этотъ блескъ въ нечесаной косѣ,
Но эти взоры—въ рѣжущей красѣ
Меня зовутъ и жгутъ, какъ духъ крылатый,
А ты—ты бьешься на моихъ колѣняхъ
Въ такой медлительной и пьяной лѣни!

— Ты вѣришь въ ночь? „Я вѣрю въ эти губы,
И пью ихъ ядъ, ихъ медъ и глубину.
Въ рукахъ разгоряченныхъ утону,
Прильну къ груди немертвой и негрубой,
И въ тѣло жаркое вонзится не жаль
Твою, мой милый, жалащую сталь!“

— Ты вѣришь въ ночь, волшебницу глухую,
Налившую въ озерахъ зеркала,
Изъ шопотовъ соткавшую тѣла
И нѣжность, о которой я тоскую
Съ тѣхъ поръ, какъ дѣвушку въ водѣ увидѣлъ,
И все манившее возненавидѣлъ?

Ты вѣришь, что въ землѣ зарыты зерна,
Чьи губы голубую влагу пьютъ,
Что подѣлуи наши не умрутъ,
Но каждый загорится розой горной,
Что каждый стонъ, пронзившій тишину,
Пророчить несомнѣнную весну?..

Но дѣвушка змѣлилась и молчала.
Алѣла кровь на огненныхъ губахъ.
А онъ отъ острыхъ ласкъ чернѣлъ и чахъ,
И все неистовѣй ихъ страсть качала,
Страсть, поднимающая всѣхъ, кто созданъ,
Отъ плеска моря къ воздуху и звѣздамъ.

III.

„Ты видишь, мать, онъ гибнетъ, онъ отравленъ.
Пусть я умру, пусть милый мой живетъ“.
— Нѣтъ, дѣвочка, растаетъ черный ледъ,
Змѣенышъ будетъ пойманъ и раздавленъ.
Недаромъ ядъ въ крови твоей разлитъ—
Въ немъ жизнь моя растоптанная мститъ.

Впивайся въ грудь ему съ орлиной силой
И жги его, какъ сорную траву..
— „Но я однимъ дышу, однимъ живу,
Лишь передъ нимъ я грудь мою раскрыла,
Лишь передъ нимъ не испугалась боли,
И онъ вино мое, какъ жертву, пролилъ.“

Я знаю: мнѣ не вынести разлуки.
Когда погаснетъ райская любовь,
Застынетъ очарованная кровь,
И упадутъ неистовыя руки.
Но пусть мой милый сладость солнца пьетъ,
Цѣлуетъ землю, дышитъ и живетъ“.

Напрасно ищетъ онъ ея объятій,
Дверь замкнута: они разлучены.
Ея черты такъ горьки и блѣдны,
И мать не сыщетъ ядовъ и заклятій,
Чтобъ вырвать дочь изъ рукъ безстрастной смерти.
Но лишь о немъ мертвѣя бьется сердце.

Бродя по саду, юноша случайно
Въ узлахъ корней бѣлѣвшую плиту
Рванулъ—увидѣлъ мракъ и пустоту
И въ трепетѣ проникнулъ въ холодъ тайный
Сквозь плѣсень и сырѣющую тьму
Въ тайникъ, еще невѣдомый ему.

Тамъ—въ камняхъ зеленѣющихъ и скользкихъ
Болѣзненный не умолкаетъ стонъ.
Туда старикъ безумный заточенъ
Въ халатѣ сбромъ и позорныхъ кольцахъ.
Едва шаги пришельца онъ слышалъ—
Залепеталъ таинственнѣй и тише.

Когда жь нагнулся юноша въ испугѣ,
Рванулъ ему рубашку на груди
И вдругъ вскричалъ: иди ко мнѣ, иди!
Вѣдь мы вѣка томимся другъ о другѣ,
Вѣдь я люблю и жду тебя давно:
Я помню это темное пятно!

Вѣка неслись и тѣли въ дымныхъ сферахъ.
Я слушалъ звѣзды, слушалъ зеркала.
Я, какъ невольникъ, обольщалъ тѣла
Любовницъ безнадежныхъ и невѣрныхъ,
Но я зачалъ тебя въ послѣдней страсти
И сердце древнее разбилъ на части.

Пусть я не понялъ звѣзднаго круженья.
Но ты—ребенокъ духа и земли,
Дыханія души не распыли,
Но, какъ пчела, умри отъ наслажденья,
Измѣнчивое счастье разорви
И покорись единственной любви.

Вотъ два ключа—ты самъ разыщешь двери.
Теперь иди!—но долго дряхлыхъ ногъ
Сынъ изумленный выпустить не могъ.
—Теперь ты знаешь и теперь ты вѣришь,
Пусть я въ цѣняхъ, поруганъ, безоруженъ,
Я вырвусь самъ, когда я буду нуженъ.

И первая—завѣтная—раскрыта.
Двѣнадцать двушекъ увидѣлъ онъ
У прялокъ золотыхъ и веретенъ,
Любовь и ласка въ ихъ глазахъ разлита,
И солнце сквозь узорное стекло
Ихъ пестрыми сіяньями зажгло.

И голоса, какъ прядки, зажужжали:
Жалѣемъ мы и жалостью томимъ.
Заворожимъ, залечимъ, утолимъ—
И забудешь ты о каждомъ жалѣ.
Мы желтый ленъ волосъ твоихъ расчешемъ,
И ты уйдешь безстрашенъ и утѣшенъ,

Мы слухъ твой очаруемъ сказкой древней
О королѣ въ таинственномъ вѣнкѣ,
О бьющемся въ лазури мотылкѣ,
О золотомъ ручьѣ и о царевнѣ,
Прольемъ въ тебя, какъ золотой туманъ,
Какъ зелье, нѣжащій самообманъ.

Взойдетъ луна въ блаженствѣ и безсилѣ,
И мы ласкаемъ тишиной луны,
Невѣчной сладостью окрылены.
И тонки наши золотыя крылья,
И звонъ ихъ нѣженъ—словно прозвенѣли
Двѣнадцать очарованныхъ свирѣлей.

И юноша привыкъ къ ихъ ясной ласкѣ,
Привыкъ дремать подъ шорохъ веретенъ
И вслушиваться, какъ въ понятный сонъ,
Въ бесплаенныя пѣсни ихъ и сказки,
И на лицѣ здоровья благодать
Румянцемъ алымъ вспыхнула опять.

Звенить еще одинъ замокъ призывный.
Здѣсь въ вышину уходятъ зеркала.
Здѣсь очарованная поняла
Душа напѣвъ родной и заунывный,
Гдѣ спитъ луна на зыби стѣнъ зеркальныхъ,
И льется музыка псалмовъ печальныхъ.

Откуда эта музыка, откуда?
Нахлынула, какъ гулкая метель,
Завѣяла, какъ шаткая качель,
И сердце знаетъ, что зачато чудо!
Вотъ брызнула безумная струя,
И закачалась райская ладья!

Отецъ земли! къ твоимъ садамъ я призванъ!
Благослови безпутную ладью!
Я безъ сознанья лепечу: люблю—
Я не одинъ, со мной завѣтный призракъ,
Съ тобой одной, въ одномъ лучѣ играя,
Я рвусь въ ворота огненныя Рая!

Такъ раной рѣжущей и ядовитой
И жуткой памятью онъ боленъ вновь.
Но съ зеркалами отзвенить любовь,
И будутъ губы жгучія забыты,
И вновь заплещетъ смѣхъ и разговоръ
Двѣнадцати заботливыхъ сестеръ.

—Ты видишь, мать, онъ снова бодръ и счастливъ.
Мыѣ обо всемъ сказали зеркала.
А дни мои, какъ сѣрая зола.
Еще пылая угли не погасли,
Но все труднѣе съ каждымъ новымъ вздохомъ
Мечтать о немъ, невѣрномъ и далекомъ.

О какъ онъ могъ въ холодные туманы,
Какъ въ бездну безнадежную, упасть,
И въ насъ двоихъ затепленную страсть
Какъ уронилъ въ измѣны и обманы?
О мать моя! теперь свой ядъ готовь.
Пусть онъ отравитъ медленную кровь!

Ея глаза—какъ темное мечтанье
О томъ, кто измѣнилъ и не придетъ,
Кто высосалъ изъ тѣла нѣжный медъ,
Впиталъ благоуханное дыханье,
Отвѣдалъ крови красной и завѣтной
И все, что принялъ,—расточилъ по вѣтру.

—Такъ ты смущенъ, что дверь закрыта глухо
И непокорна крѣпкому ключу?
Такъ я, немилая тебѣ, хочу,
Такъ вѣщая замыслила старуха.
Покинь разлучницъ въ роковую ночь,
Минуты умиранья не порочь!

И вотъ въ вѣнцы сплетаются созвѣзды,
И въ черной чашѣ варится трава.
—Ты самъ забылъ завѣтныя слова,
Ты приготовилъ самъ свое возмездье.
Довѣрясь пѣснямъ дѣвичьимъ и играмъ,
Ты самъ свой неизбѣжный жребій выбралъ.

Двѣнадцать писемъ у его постели.
„Разстались мы—быть можетъ, навсегда.
Но мы, какъ говорливая вода,
Какъ лепестки, какъ лунныя свирѣли,
Всегда съ тобой, въ заботѣ и во снѣ
Горимъ и дразнимъ въ тусклой тишинѣ“.

Въ его крови смущенье и унылость.
Припомнился старикъ въ стальныхъ цѣпяхъ,
Любимыхъ глазъ мерцанія и страхъ,
Жизнь матери, которая разбулась...
„Но нѣтъ раскаянья! Я все приѣмлю!“
И письма бережно зарылъ онъ въ землю.

Зардѣло солнце. Въ заповѣдномъ пелѣ
Прозябли трепетныя сѣмена,
И напоила юная весна
Своимъ тепломъ двѣнадцать новыхъ стеблей,
Но только начали цвѣты краснѣть—
Двѣнадцать дѣвушекъ сразила смерть.

„О милыя! Я не напрасно бросилъ
Родныя зерна сердца моего!
Ихъ приняло, пригрѣло божество,
И каждый стебель будетъ плодоносенъ!“
И юноша, пѣвымъ огнемъ волнуемъ,
Приникъ къ цвѣтамъ влюбленнымъ поцѣлуемъ.

И замеръ. Онъ почувалъ ядъ смертельный,
Въ цвѣты налитый мстительной рукой.
Припомнилъ леденѣющей душой
Постель сестры и голосъ запредѣльный,
Въ весенній воздухъ бросилъ вздохъ пустой
И на землѣ рассыпался—землей.

Чьи косы огненные вѣтеръ треплетъ?
Чье сердце мечь и мука обожгли?
Она у милой роковой земли
Отвѣтное пыланіе затеплитъ,
И схваченная смертью и любовью,
И выпивъ ядъ, прольется въ землю—кровью.

Съ горящими глазами на порогѣ
Въ цѣпяхъ разорванныхъ стоялъ старикъ.
Онъ говорилъ, что вѣчень и великъ
Миръ, застонавшій о безсмертномъ Богѣ,
Что есть одинъ Господь и страсть одна,
Смертельная, какъ черная волна.

Плыла по комнатамъ, какъ призракъ дымный,
Попрежнему безумная жена,
И въ тайной залѣ бѣлая луна
Зеркальнымъ стѣнамъ навѣвала гимны,
И въ жуткомъ холодѣ, въ стѣнахъ зеркальныхъ
Звенѣли звуки пѣсенъ погребальныхъ.

К Р И Т И К А.

Вячеславъ Ивановъ. Нѣжная Тайна. ЛЕПТА. Изд. „Оры“. СПБ. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

„Нѣжная Тайна“ можетъ быть лучшая изъ книгъ Вячеслава Иванова. Первая часть занята почти исключительно описаніемъ картинъ природы, которыя наводятъ поэта на глубокія и серьезныя размышленія. Полная связность при массѣ подробностей—ихъ отличительное свойство. Пейзажамъ В. Иванова должно быть отведено первое мѣсто среди пейзажей символистовъ. Во второй части собраны полныя граціи и нѣжнаго остроумія стихотворенія на случай. Книга написана необычнымъ для В. Иванова простымъ и прекраснымъ языкомъ, отчего всегдашнія его темы только выигрываютъ въ значительности.

Н. Г.

А. Скалдинъ. Стихотворенія. Изд. „Оры“. СПБ. 1912. Ц. 1 р.

Безысходнымъ старчествомъ проникнута эта книга. Все не въ прокъ ея автору: и литературная культур-

ность, и хорошія традиціи, и присутствіе ума и вкуса. Одинаково гладко удаются ему и гекзаметры и чашушка, дистихи и ямбы, но ни въ чемъ не загорается подлинная поэтическая жизнь. Книга эта подобна уже вылѣпленному изъ глины Адаму, но еще не пріившему дыханія Бога. Можетъ быть, и надежды нѣтъ для этого глинянаго слѣпка стать одушевленнымъ. Самъ поэтъ пророчитъ себѣ иную судьбу: „слова, вы мною рождены, и строгимъ васъ пронесу путемъ къ послѣдней цѣли“. Но опыты пророчества А. Скалдина слишкомъ разсудочны и похожи на вычисленія. Средневѣковой схоластикой вѣетъ отъ этой книги. Въ лицѣ А. Скалдина мистическое доктринерство Вячеслава Иванова нашло себѣ достойную жертву.

С. Г.

Я. Любяръ. Противорѣчія. Кн. 2-я. Мы, безумные... СПБ. 1912. Ц. 60 к.

Стихи Я. Любяра обнаруживаютъ поэта бѣднаго образами, неспособнаго къ обобщеніямъ, но зато имѣющаго безспорное достоинство—всегда напряженную мысль, безкрылую, но и не расплывающуюся въ лиризмъ. Острый взглядъ на міръ, но міръ остается тѣмъ же самымъ. Надъ книгой не вздохнешь, не задумаешься, но считается съ ней въ своихъ размышленіяхъ все таки будешь. Очень портятъ ее неумѣлая версификація и рядъ стилистическихъ оплошностей.

Н. Г.

Яковъ Годинъ. Сѣверные Дни. Изд. „Дружба“. СПБ. 1913. Ц. 1 р.

Яковъ Годинъ, Дмитрій Цензоръ, Саша Черный и цѣлый рядъ другихъ поэтовъ и беллетристовъ посвящаютъ себя поэтической и литературной дѣятельности, не вполне владея русскимъ языкомъ. Эти три имени расположены по восходящей степени грамотности. Яковъ Годинъ особенно слабъ въ синтаксисѣ и употребленіи предлоговъ (см., напр., стр. 144, строфы 3 и 4). Существительныя, ихъ смыслъ, онъ тоже чувствуетъ только въ общихъ чертахъ. Пользуясь словаремъ, образами и ритмикой, главнымъ образомъ, Блока, онъ въ иныхъ мѣстахъ достигаетъ подобія лиризма. Въ другихъ же, вмѣсто лирическаго, получается эффектъ комическій, напр.: „позабывъ о расческѣ,... ты глядишь, какъ уходятъ дымящія трубы въ предвечерній туманъ“. Печальна судьба такихъ поэтовъ, потому что даже усиленная работа надъ языкомъ (которой у Я. Година не замѣчается) не замѣняетъ органическаго знанія его.

С. Г.

„Дары Адонису“. Эдиція Ассоціаціи Эго—Футуристовъ. IV. СПБ. 1913.

За выходомъ Игоря—Сѣверянина изъ группы „эгофутуристовъ“, это теченіе лишилось единственнаго, что было въ немъ достойно вниманія. Неприязательная чепуха (въ прозѣ), присланная изъ провинціи, и стихотворенія Изабеллы Гриневской—вотъ то цовое, что даютъ „Дары Адониса“. Безвкусное ломанье Иг-

натѣва и др. уже извѣстно. Вѣрная пошлomu тону брошюры, редакція заключаетъ ее снимкомъ „ареопага“. Такія явленія, какъ эта брошюра, можно отмѣчать, какъ печальныя, но серьезно считаться съ ними уже не приходится.

С. Г.
